

DOI: 10.26794/2226-7867-2018-8-2-80-85

УДК 316

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВЫНУЖДЕННЫЙ СЕПАРАТИЗМ И ЗАКОНОМЕРНОСТИ ЕГО РАЗВИТИЯ

Сургуладзе Вахтанг Шотович,

канд. филос. наук, ведущий методолог компании «Р.О.С.Т.У.» по стратегическому планированию, Москва, Россия
bafing@mail.ru

Аннотация. Местная, региональная идентичность – важный аспект коллективного самосознания, который может быть потенциально разрушительным либо созидательным – содействовать сепаратизму и дезинтеграции общества или выступать фактором его консолидации. В условиях глобализации и обострения межнациональных противоречий и столкновения идентичностей региональное самосознание становится важнейшей темой политического анализа и практической проблемой государственного управления. Как правило, сепаратизм регионов основан на региональных культурных, лингвистических и исторических особенностях и представлениях о региональном превосходстве по отношению к соседним областям. Широко известными примерами регионального сепаратизма являются Страна Басков в Испании и Валлония в Бельгии, северные области Италии. В зависимости от стечения исторических обстоятельств региональное самосознание в иерархии идентичностей отступает на задний план, вытесняясь представлениями о принадлежности к более широкой общности на уровне государства в целом или, наоборот, выдвигается на передний план, питая сепаратизм и желание создать собственное государство. Именно с региональным самосознанием были вынуждены бороться объединители Италии, революционной Франции и многих других национальных государств, пытавшихся конструировать нацию на основании более широкой надрегиональной общности. Сегодня конфликтный потенциал региональной идентичности является возможной причиной дестабилизации и распада национальных государств.

Ключевые слова: национальное самосознание; региональная идентичность; идеология; Сибирь; Урал; Украина; Бельгия; Валлония; политическая мобилизация

THE MOBILIZATION POTENTIAL OF REGIONAL IDENTITY: FORCED SEPARATISM AND PATTERNS OF ITS DEVELOPMENT

Surguladze V. Sh.,

PhD in philosophical science, “R.O.S.T.U.” company leading strategic planning methodologist, Moscow, Russia
bafing@mail.ru

Abstract. Local, regional identity is an important aspect of collective identity that can be potentially destructive or creative – to promote separatism and disintegration of the society, or to act as a factor of consolidation. In the context of globalization and the exacerbation of ethnic conflicts and clashes of identities, the regional identity becomes an important theme of the political analysis and practical problem of public administration. As a rule, separatism of regions based on regional cultural, linguistic and historical features and notions of regional superiority. Well-known examples of regional separatism are the Basque Country in Spain and Wallonia in Belgium, Northern regions of Italy. Depending on historical circumstances, regional consciousness in the hierarchy of identities recede into the background, wiping out by the feeling of belonging to a wider community at the state level as a whole, or on the contrary stoking the separatism and the desire to create independent state. With regional identity were forced to fight the unifiers of Italy and revolutionary France and many other national States, trying to construct a nation based on a broader, over regional united community. Today the conflict potential of regional identity is a possible cause of destabilization and disintegration of nation states.

Keywords: national identity; regional identity; ideology; Siberia; the Urals; Ukraine, Belgium, Wallonia, political mobilization

Исторический опыт свидетельствует о том, что местные региональные особенности потенциально могут развиваться до сознания совершенной обособленности от государства, к которому принадлежит область, даже если население региона и страны в целом имеют общие этнические, культурные, религиозные, исторические корни. При определенных условиях возникают поводы к отделению. Это может быть экономический мотив, когда более развитые области недовольны дотационными регионами и свысока смотрят на своих менее богатых и экономически развитых соседей. Хорошо известно, например, историческое противопоставление севера Италии по отношению к югу, которое глубоко уходит корнями в прошлое, а также питается дисбалансом экономического развития страны в условиях экономически более развитого севера. Это противостояние, постоянное подспудное соперничество юга и севера, в то же время накладывает на развитое самосознание исторических итальянских областей и городов, жители которых склонны чрезвычайно гордиться историей в прошлом великих и независимых городов-государств и даже целых колониальных империй, которыми когда-то были Генуя и Венеция [1, с. 174, 461].

Другим условием развития регионального самосознания выступает воля местных элит, землевладельцев, влиятельных кланов, промышленников как самого региона, так и примыкающих к нему государств, заинтересованных в дезинтеграции соседнего государства и укреплении своего влияния.

УКРАИНА: ЭЛИТА ДИКТУЕТ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Примером рождения отдельного от России независимого, но исторически тесно связанного с ней государства, без явного этнического и культурного отличия от России является Украина — территория, исторически являвшаяся центром развития Российской цивилизации, ее ядром, колыбелью, отправной точкой ее исторического развития, когда Киев был «матерью городов русских».

Столетия сложной исторической судьбы, мощное влияние Польско-Литовского государства и Австро-Венгрии сделали из Украины государство с элитой, которая искала собственные выгоды, балансируя между интересами

Польши, Австро-Венгрии, России и Османской империи.

Украина — Украина, область, считавшаяся в России окраиной точно так же, как и в Польше, к которой тяготел и влиянием которой основательно пропитался класс украинских землевладельцев. В результате длительной анархии и влияния Польши и Австро-Венгрии [2] многовековой политической оторванности от России и трагических событий XX в. и распада СССР общество Украины оказалось морально готово к политической независимости, хотя и со значительным различием между культурными предпочтениями запада и востока страны [3, 4]. Пересечение противоречивых интересов и наслоение разных культурных и политических влияний постепенно создали современную Украину, логически привели к ее образованию в независимое национальное государство.

Как и в других странах, у других народов и общностей ключевую роль в формировании национального самосознания и претворении в жизнь националистических концепций украинской независимой государственности и национальной обособленности сыграли правящие классы общества.

Важнейшим фактором в формировании украинского самосознания выступало казачество, представители которого, по ситуации, периодически вели боевые действия против Московского царства, Речи Посполитой и Турции, объединялись для ведения боевых действий с крымскими татарами или другими сторонами многосторонних конфликтов, интересы которых в данный конкретный момент не противоречили собственным.

Со второй половины XVI столетия казаки были активно вовлечены в сферу влияния созданного в 1569 г. государства Речь Посполитая, правительство которого пыталось организовать из них заслон на своих рубежах. Именно польскому королю как формальному суверену казаков жаловался турецкий султан на предпринимаемые ими набеги. Оба государства обязывались сдерживать своих формальных вассалов — казаков Речи Посполитой и крымских татар султана [5].

Именно казачество как военный, обладавший реальной властью и собственными интересами класс было заинтересовано в проведении собственной, не зависимой ни от кого политики. Россия, несмотря на все исторические узы, связывавшие ее с Украиной, мешала интересам

этого класса и рассматривалась как стратегическая угроза, противовес которой искали вовне. Со временем, после разделов Польши и вхождения ее в состав Российской империи, представители украинских элит продолжали черпать идеологические основания для борьбы за новую, независимую от России украинскую общность и государственность на Западе, прежде всего в Польше.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Региональное самосознание может таить в себе значительный мобилизационный и идеологический потенциал. При определенном стечении обстоятельств более широкая идентичность сменяется сугубо региональной, которая поддерживается и укрепляется региональной элитой. Так, из региональной элита становится национальной, а регион превращается в национальное государство. Такое стечение обстоятельств тем более вероятно, если другие осколки бывшей более крупной общности (империи или иного крупного государства) окажутся менее успешными в социально-экономическом, политическом и культурном отношении, менее привлекательны и менее способны поддерживать историческую связь, которая когда-то существовала.

В этом контексте независимость Белоруссии и Украины с точки зрения развития их регионального идеологического потенциала вполне закономерна. На протяжении длительных периодов времени они были оторваны от России, а если и были связаны с ней, то весьма неоднозначными узами. Слишком много интересов разных империй и народов переплелось на этих территориях, чтобы они по прошествии времени могли в полной мере продолжать чувствовать связь с Россией, тем более, учитывая наслоившийся впоследствии опыт советской национальной политики. Украина и Белоруссия — примеры мобилизованной региональной идентичности, доведенной до статуса национального государства.

Во многих частях земного шара существуют государства, регионы которых потенциально являются новыми нациями в политическом смысле этого слова, регионы, в истории общественной мысли и самосознания которых можно обнаружить значительный элемент *инаковости*, сознания собственной *особенности* и *отдельности*. То есть имеются необходимые компо-

ненты, которые при определенных условиях могут способствовать тому, что жители региона станут осознавать себя членами обособленной общности, которая может заявить о претензиях на собственную государственность и праве на *самоопределение*.

Само слово *самоопределение* совершенно ясно раскрывает весь смысл этого явления и его связь с самосознанием. *Акт самоопределения нации означает, что люди сами решают, определяют, кем они хотят быть, кем они считают себя и как идентифицируют свою общность — нацию.*

РЕГИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ УРАЛА И СИБИРИ

Анализируя особенности региональной идентичности, интересно рассмотреть феномен регионального самосознания Сибири и Урала — важнейших для России регионов, отличающихся высоким уровнем сознания собственной исторической уникальности [6, с. 73; 7, с. 382].

В восприятии сибиряков жизнь человека делилась на две части — до и после Сибири, а если учесть, что сосланные в Сибирь, как правило, так в ней и оставались, то этот переход вполне можно сравнить с вступлением в новую жизнь. Общее бесправное положение в России приводило к тому, что сибирскую жизнь можно было рассматривать как своеобразный, но более свободный этап [6, с. 102].

В крепостнической России Сибирь стала не только краем ссыльных, но и краем сильных духом, смелых и предприимчивых людей. Сюда бежали от крепостничества, религиозных гонений, переезжали по реформе Столыпина самые активные и работающие, и даже те, кто прошел какому-то торгу, обретали здесь новый дом, новую Родину.

Проанализировав списки каторжных Успенского завода за несколько лет, Д. Н. Мамин-Сибиряк сделал вывод, что главный контингент преступников был порожден крепостным правом. Некоторые преступления были настолько неправдоподобны, что, по определению писателя, носили почти сказочный характер [6, с. 103; 7, с. 381–382; 9, с. 35, 88, 435].

В страданиях жизни в Сибири и обретенной их ценой свободе выковывались люди с особой идентичностью. Следующие же поколения рожденных свободными людьми сохраняли закрепленным в сознании это представление о собственной особенности и даже региональном превосходстве [7, с. 308].

Мотив этого превосходства отражен в произведениях Мамина-Сибиряка и бытописателя сибирской каторги С. В. Максимова, автора фундаментальной работы «Сибирь и каторга», впервые напечатанной в качестве ведомственного издания Министерства внутренних дел ограниченным тиражом для служебного пользования [9].

Шли на каторгу пешком, в кандалах, несмотря на погоду: в жару и стужу, грязь и дождь. У некоторых этот путь занимал 3–4 года, так как арестанты шли по этапу особыми, более длинными путями, чем коммерческие и почтовые тракты [9, с. 70, 73]. Уже во время перехода, в пути, каторжные чувствовали разницу между Россией и Сибирью: по России шли строже, чем по Сибири, на протяжении пути менялись отношения между людьми и отношение к государству и его институтам [6, с. 132–133; 9, с. 34].

Это отношение к своей земле как новой, неизведанной, суровой и честной было характерно не только для русских переселенцев, сходным образом воспринимали свои новые страны и переселенцы британских колоний в Америке и Австралии. На новом месте и жизнь должна была строиться по-новому — лучше, свободнее, с размахом. В случае Сибири «новая страна» оказалась территориально соединенной с сердцевинной государства. Если Великобритания была отделена от своих переселенцев и ссыльных каторжан океанами, то Россия оказывалась отделена от Сибири Уральским хребтом. Так же как каторжные переселенцы романтизировались австралийцами, романтизировались они и сибиряками, тем более, что несправедливости и произвола в каторжной системе было достаточно. Те, кто не сломался, прошел весь длинный путь от западных окраин империи до сибирских лесов и выжил, создал семью и собственный дом, не могли не вызывать удивления и уважения — это были сильные люди.

В этих условиях зарождалось понимание того, насколько регион важен для России и каким громадным потенциалом развития он обладает [6, с. 136]. Мощь природы, история мужественных, закаленных в невзгодах, борьбе и труде предков дает жителям Сибири и Урала основание для формирования совершенно особой региональной идентичности. В случае Урала регион воспринимается как «хребет России», даже особая «горнозаводская цивилизация» [10, 11].

ФЛАНДРИЯ И ВАЛЛОНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДЕТЕРМИНИЗМ ВЫНУЖДЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Наряду с негативной идентичностью, т.е. идентичностью, идущей от противного и вопреки, питающейся противопоставлением нас — чужим, важно отметить наличие *идентичности вынужденной*. В обоих случаях такое самосознание является ответом на вызов. Но если в случае негативной идентичности нагнетание шовинистических настроений и укрепление собственного самосознания и чувства общности на основе ненависти и отрицания совершенно очевидно и носит достаточно яркий негативный оттенок, то *вынужденная идентичность часто является только реакцией на исходящий импульс*.

Вынужденную идентичность можно рассматривать как аспект изучаемого политической наукой вынужденного регионализма, который возникает в ответ на изначально более агрессивное самосознание региона — локомотива регионализма [12]. Люди веками могут жить вместе и не ощущать каких-то явных отличий друг от друга, до тех пор, пока какие-то новые факторы общественного развития не изменят этого положения, пока представители соседнего региона не начнут смотреть на сопредельные области свысока. Варианты могут быть самыми разными. Например, экономическое развитие одних областей и экономическое отставание других.

Почувствовав собственную силу, экономически развитые регионы начинают менять политическую среду государства и провоцируют развитие регионального самосознания в других частях страны. Подобное положение вещей, вызванное экономическим фактором, можно наблюдать в северных регионах Италии, Баварии в Германии, Фландрии в Бельгии.

Сила действия обособления одного региона начинает вызывать ответную реакцию, которая постепенно вызывает встречное, не менее сильное противодействие. Конечным итогом такого положения вещей при условии, что кроме экономического фактора, в наличии имеются и другие — различие в языке, вероисповедании, национальных преданиях, может стать распад государства на новые самоопределившиеся независимые части.

Из вышеприведенных примеров развитого регионального самосознания обосновывающего регионализацию, особняком стоит случай Бельгии,

локомотивом регионализации которой выступает Фландрия, региональное самосознание которой вызвало к жизни Валлонский регионализм. В результате этого процесса небольшая Бельгия вполне может разделиться на два независимых государства — решение, которого значительно труднее достичь в крупных государствах.

Процесс, ставящий вопрос о разделении этого государства, был инициирован богатым регионом, на вызов которого пришлось отвечать экономически менее развитой и не имевшей ярко выраженного регионального самосознания Валлонии, единственной отличительной чертой населения которой к началу XXI в. выступало осознание того факта, что валлоны — не фламандцы, т.е. негативная идентичность. Разожженное регионом — локомотивом экономического развития соперничество наложилось на религиозные и языковые отличия — валлоны франкоязычны, а фламандцы говорят на нидерландском языке, валлоны — католики, а фламандцы — протестанты.

Фландрия выступает локомотивом регионализации в Бельгии, так как ее население обладает чувством самобытного исторического развития, языковой, этнической и культурной отличности, на которые наложились экономические успехи региона, особенно заметные по контрасту с менее экономически успешной Валлонией, которая до середины XX в. была экономически более развитым регионом и элита которой поддерживала единое Бельгийское государство.

Экономический центр страны переместился из Валлонии во Фландрию в результате упадка традиционных отраслей экономики Валлонии — черной металлургии и добычи угля. К началу XXI в. безработица в Валлонии в два раза превышала аналогичный показатель во Фландрии, в то время как население последней составляло 60% от общего количества жителей Бельгии. В результате экономически успешные фламандцы обрели чувство собственного национального достоинства, противопоставляемого общепольской гражданской национальной идентичности.

В ответ на основанное на подчеркивании региональной идентичности давление Фландрии, элиты Валлонии, со своей стороны, стали конструировать собственное региональное самосознание, развивать валлонское видение политических, экономических, социальных и культурных перспектив региона.

Становление нового, регионального самоопределения вызвало всплеск интереса к историческому прошлому региона, которое могло бы подкрепить возникающую и конструируемую убежденность в собственной особенностях, отличности от других, которые позволяют претендовать на обособленный путь исторического развития.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что более обостренное региональное самосознание фламандцев можно объяснить тем, что хотя они всегда составляли большинство населения бельгийского государства, Бельгия традиционно ориентировалась на Францию и именно французский язык был признан государственным языком при образовании Бельгийского королевства в 1830 г. Только к середине XX в. фламандцам удалось достичь успеха в языковой борьбе за собственную идентичность, в результате чего нидерландский язык был признан государственным наряду с французским.

История фламандского и валлонского сообществ Бельгии позволяет понять, почему у валлонов отсутствует синдром жертвы, в то время как он присутствует у фламандцев, которые в полной мере воспользовались изменившимися обстоятельствами и заявили о своих притязаниях на региональную или, в долгосрочной перспективе, национальную, государственную обособленность от исторически франкоориентированной и франкофонной Бельгии с доминированием валлонов.

В случае с Бельгией история снова напомнила о себе и предъявила обществу счет. Исторически сложившиеся идеологические конфликты, выражающиеся в столкновении идентичностей опасны тем, что у правительств устоявшихся многонациональных государств формируются представления о надежности таких государственных образований, вследствие чего проблемам гармонизации межнациональных отношений не уделяется должного внимания. Между тем, исторические обиды продолжают жить в коллективном бессознательном и извлекаются на свет, когда в них возникает политическая необходимость. Идеологический потенциал исторических воспоминаний в таких случаях чрезвычайно велик. К началу XXI столетия наступил момент, когда фламандцы смогли предъявить исторический счет валлонам, точно так же, как жители бывших колоний европейских государств желают переложить ответственность за свою судьбу на бывших хозяев, указывая им на грехи колониального прошлого.

ИСТОРИЯ – ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ И ИСТОЧНИК «МЯГКОЙ СИЛЫ» В НАЦИОНАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

История и ее интерпретация становятся современным идеологическим оружием. Для тех, кто не понимает этого, это оружие оказывается неизвестным, секретным, а значит, неожиданным и потенциально еще более опасным. Вот почему поддержание национальных интересов любого многонационального и многоконфессионального государства требует пристального внимания к вопросам развития гуманитарной сферы жизни общества — принятому в нем историческому нарративу, идеологии, изучению технологий «мягкой силы» и поддержания государствен-

но-национального, гражданско-правового самосознания.

Делая более общий вывод, можно сказать, что при наличии в государстве высокого, питаемого региональным самосознанием конфликтного потенциала и возможности дробления на многочисленные самостоятельные общности, обладающие собственной, отдельной от других регионов идентичностью, проведение регионами политики собственной идентичности является опасным фактом, способным «заразить» и другие регионы, которые при прочих условиях могут и не иметь предпосылок для конструирования обособленного регионального самосознания, и вызвать цепную реакцию, результатом которой может быть разделение государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чиано Г. Дневник фашиста. М.: Плацъ, 2010. 672 с.
2. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М.: Грифон, 2007. 296 с.
3. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
4. Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 336 с.
5. Финкель К. История Османской империи: Видение Османа. М.: АСТ, 2012. 832 с.
6. Герцен А.И. Былое и думы. Ленинград: ОГИЗ, Государственное издательство художественной литературы, 1946. 888 с.
7. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 9. М.: Правда, 1958.
8. Мамин-Сибиряк Д.Н. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Правда, 1958.
9. Максимов С.В. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010.
10. Иванов А. Хребет России. СПб.: Азбука, 2012. 272 с.
11. Иванов А. Горнозаводская цивилизация. М.: АСТ, 2014. 288 с.
12. Шевцова И.К. Феномен вынужденного регионализма в современной Европе: случай Валлонии: дисс. ... канд. полит. наук. Пермь: Пермский государственный университет, 2009. 152 с.

REFERENCE

1. Chiano G. Fascist's diary. Moscow: Plac', 2010. 672 p. (In Russ.).
2. Ul'janov N.I. The origin of Ukrainian separatism. Moscow: Grifon, 2007. 296 p. (In Russ.).
3. Martin T. The affirmative action empire. Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939. Moscow: ROSSPEN, 2011. 855 p. (In Russ.).
4. Kadio Zh. Laboratory of the empire: Russia / USSR, 1860–1940. Moscow: Novoe li-teraturnoe obozrenie, 2010. 336 p. (In Russ.).
5. Finkel' K. The history of the Ottoman empire: Osman's dream. Moscow: AST, 2012. 832 p. (In Russ.).
6. Gercen A.I. Past and thoughts. Leningrad: OGIZ, Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1946. 888 p. (In Russ.).
7. Mamin-Sibirjak D.N. Collected works in 10 vol. Vol. 9. Moscow: Pravda, 1958. (In Russ.).
8. Mamin-Sibirjak D.N. Collected works in 10 vol. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1958. (In Russ.).
9. Maksimov S.V. Collected works in 7 vol. Vol. 1. Moscow: Knizhnyj Klub Knigovek, 2010. (In Russ.).
10. Ivanov A. The Ridge of Russia. St. Petersburg: Azbuka, 2012. 272 p. (In Russ.).
11. Ivanov A. Mining plant civilization. Moscow: AST, 2014. 288 p. (In Russ.).
12. Shevcova I.K. The phenomenon of forced regionalism in modern Europe: the case of Wallonia: candidate of political science thesis. Perm': Permskij gosudarst-vennyj universitet, 2009. 152 p. (In Russ.).